

РУСИЗМЫ В ДРАМЕ ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ «ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ»

Мамилова Светлана Абдурахметовна

Аспирант, Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

serdle@mail.ru

RUSSIANISMS IN LOPE DE VEGA'S DRAMA "THE GRAND DUKE OF MOSCOW"

S. Mamilova

Summary: The article explores Russianisms in the drama of the outstanding Spanish playwright Lope de Vega «The Grand Duke of Moscow». This is the first work in Spanish literature devoted to the Russian theme. The article talks about the historical context of the drama, presents the points of view of various researchers (including V.E. Bagno and N.I. Balashov), and gives a summary. The dictionary and corpus analysis of the Russianisms found in the drama is also given. When writing the article, the descriptive method and the method of comparative analysis, as well as the method of lexicographic definitions were used. As a result of the research, we came to the conclusion that when borrowings from the Russian language were first used in Spanish fiction, and it was also established when the first Russianisms were recorded in written documents of the Spanish language.

Keywords: Lope de Vega, drama, Spanish, Russianisms, realities, Dmitry the Impostor.

Аннотация: В статье исследуются русизмы в драме выдающегося испанского драматурга Лопе де Веги «Великий князь Московский». Это первое произведение в испанской литературе, посвящённое русской теме. В статье говорится об историческом контексте драмы, представлены точки зрения на нее разных исследователей (в том числе В.Е. Багно и Н.И. Балашова), дается краткое содержание. Также дается словарный и корпусный анализ обнаруженных в драме русизмов. При написании статьи были использованы описательный метод и метод сравнительного анализа, а также метод лексикографических дефиниций. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, когда в испанской художественной литературе впервые были использованы заимствования из русского языка, а также было установлено, когда первые русизмы были зафиксированы в письменных документах испанского языка.

Ключевые слова: Лопе де Вега, драма, испанский язык, русизмы, реалии, Дмитрий Самозванец.

Наша статья посвящена рассмотрению времени появления первых русизмов в испанском языке. По материалам испанского корпуса мы выявили, что первые русизмы появились в нем в XVII в., и это были такие слова, как, например, *zar*, *boyardo*, *sebellina*, *cosaco*¹. Эти русизмы проникали через дипломатические и деловые документы, рапорты, донесения, но мы их нашли и в художественном произведении. С этой точки зрения особый интерес представляет использование русизмов в художественной литературе Золотого века. Мы располагаем примером такого использования в драме Лопе де Вега «Великий князь Московский».

Лопе Феликс де Вега Карпио (1562 — 1635) родился в Мадриде. Он был не только величайшим драматургом Испании, но и видным лирическим и эпическим поэтом, а также прозаиком. 1594 — 1604 гг. — первый период творчества Лопе де Веги-драматурга. Годы 1605 — 1613 можно считать вторым периодом драматического творчества Лопе. Правда, с достоверностью 1606 годом можно датировать одну лишь антиконтрреформационную «русскую» драму Лопе о Димитрии Самозванце — «Новые деяния Великого князя Московского», первую драму на русскую тему.

Это политическая утопия с идеей о желательности и благотворности народного воспитания героя. В этой пьесе драматург был наиболее свободен от контроля инквизиции и светских властей, так как речь в ней шла об экзотической далекой стране, и в ней проявилась веротерпимость и гуманистический общественный идеал Лопе [1, 372—375, 377].

Предваряя тему русизмов, следует остановиться на историческом контексте создания этой драмы. По словам А.П. Алексеева, деловые отношения между Испанией и Россией начались в XVI веке, в 1525 году первое московское посольство посетило Мадрид. До этого связи между двумя государствами носили случайный эпизодический характер. Оживленными и регулярными сношениями Испании и Московского государства сделались в конце XVI в. Разгоревшаяся в Москве в начале XVII в. борьба за престол и польская интервенция, возбудившая корыстные надежды всех католических государств, повысили любопытство к Московии до крайней степени. Неудивительно, что туда проникали испанские путешественники и что в самой Испании выходили книги, посвященные Московии, из которых черпали свои сюжеты поэты и драматурги [2, 10, 20].

1 <https://apps.rae.es/CNDHE>

По мнению театроведа Н.И. Балашова, «краеугольным камнем испано-славяки стала первая испанская восточнославянская драма — “Новые деяния Великого князя Московского” Лопе де Веги, созданная в период высшего подъема испанского Ренессанса». Фактические сведения были заимствованы из книги историка-иезуита Антонио Поссевино (из ее испанского перевода Хуана Москеры). Лопе, в соответствии с ренессансным универсализмом и идеей свободы совести, полностью снял проблему католлизации восточнославянских земель (интерес к этому был присущ иезуитам Поссевино и Москере). Лопе снимает проблему религиозной розни; это положило начало изображению в испанской литературе русско-польских отношений XVII в. как братства и взаимопомощи. Он дает некий образец общества, противопоставленный косневшей в варварстве монархии Габсбургов в Испании. Лопе создал свой образ Димитрия, непохожий на концепцию иезуитов, родственный народным мечтам о мужицком царе, что было почвой для самозванства. Его Димитрий познал народное горе и труд. У Испании и России было общее в истории: обе страны образовались в ходе многовековой борьбы с иноземным игом, обе страны были деспотическими государствами, и к началу XVII в. их абсолютизм был мало приспособлен к выполнению цивилизующей функции. Лопе так проникся восточнославянской темой, что изобразил сам себя в роли белорусского крестьянина Белардо и употреблял некоторые географические названия в форме, соответствующей украинскому произношению. Лопе изобразил становление национально-абсолютистского государства в наиболее приемлемой для народа форме. И хотя в Испании было известно о польско-русских конфликтах, а папство и испанское правительство поддерживало Польшу в войнах против Руси, большинство испанских писателей от Сервантеса до Кальдерона придерживались лопевского воззрения на межславянский мир. Кроме брошюры Поссевино-Москеры Лопе мог почерпнуть что-то из рассказов изредка попадавших в Испанию поляков, русских и украинцев [3, 115–124].

Несмотря на то, что пьеса написана на русскую тему, в ней много аллюзий на испанскую действительность. Балашов считает, что в пьесе есть стилизованные на испанский лад сцены (например, с Базилио). В числе персонажей есть и прямодушный и простодушный испанец Руфино (друг Деметрио). Драматургу было важно осветить вопрос об ответственности абсолютного монарха перед страной и противопоставить Деметрию неидеальному королю, поэтому ему был нужен Хуан Базилио [3, 130–141]. Деметрио-Димитрий под конец драмы предстает как персона не вполне серьезная — он возводит

своего грасьосо Руфино в ранг маркиза Сассурийского и князя Краковского: «Serás Duque de Cracovia / Y Marqués de Sacurisso (III, 20)»; ведь понятно, что Димитрий такой власти не имел. Это насмешка Лопе над планами иезуитов. По словам Н.И. Балашова, Sacuriso надо было в XVII в. по-испански писать Çaçuriso, т.е. Запоріжжя. В этом шутовском назначении есть историко-филологически важная сторона: Лопе в соответствии с Москерой (и вопреки итальянскому тексту, в котором было: Zazurosso) взял украинскую форму непосредственно, а не через польский или русский язык — это показывает сохранение под ударением гласной *i*. Это может свидетельствовать об интенсивных и непосредственных испано-украинских связях [3, 149–150].

Драмой Лопе занимались и другие отечественные исследователи. Так, С.Г. Ковалевская пишет, что события Смутного времени на Руси вызвали в Западной Европе большой интерес: флорентийцы хотели вступить в торговые отношения с далеким русским государством, римская курия и иезуиты надеялись вдохновить молодого царя на крестовый поход против турок и хотели насадить в Московии католичество, французский король был восхищен рассказами о Димитрии и поручил докладывать ему обо всех новостях, австрийский двор хотел породниться с русским. Неудивительно, что многие иностранцы составляли довольно подробные записи о русском государстве того периода. По мнению С.Г. Ковалевской, впечатлительный Лопе де Вега с его пылким воображением не мог не обратить внимание на подобные записки. Зависимость от брошюры «Повествование» Бареццо Барецци (или иезуита А. Поссевино) сказывается на каждом шагу (например, действия Бориса по завоеванию власти, подмена Димитрия другим мальчиком). Исследовательница подробно дает содержание и этой брошюры, и пьесы, сравнивая их. Она не согласна с Менендесом-и-Пелайо в том, что Лопе мог получить сведения из устных рассказов — слишком хороша его осведомленность в деталях. Однако, как она считает, поэт внес в произведение и много своего (например, персона Родульфо, целиком вымышленного персонажа); в те времена соблюдение исторической истины считалось мало важным, а для Лопе было важным понравиться публике, нарисовать нравы того века. Неудивительно поэтому, что драма во многом отражает черты, свойственные испанскому характеру. Г. Ковалевская сравнивает пьесу с другими произведениями на ту же тему (Пушкина, Мери-ме, А. Толстого, Шиллера) [4, 87–137]. Об этой пьесе Лопе писали также Б. Варнеке², Н. Николаев³, А.Н. Федоров⁴.

Как пишет В.Е. Багно, рассматриваемая нами пьеса

2 Б. Варнеке. Трагедия Лопе де Вега «Дмитрий Самозванец» // Театр и искусство. 1903. N. 19. С. 383–385.

3 Н. Николаев. О так разываемом первом Лжедмитрии // Б-ка театра и искусства. 1911. N. 4. С. 21–23 (О пьесе «Великий герцог Московский»). То же: Николаев Н. И. Эфемериды. Киев: Киевское общество искусства и литературы. 1912. С. 467–470.

4 А.Н. Федоров. Лжедмитрий в испанской драме XVII века // Новый журнал иност. лит-ры. 1898. N. 8. С. 109–117.

Лопе де Веги очень мало известна. Как это ни парадоксально, долгое время не существовало ее перевода на русский язык несмотря на то, что тема самозванчества очень важна для истории России; но в 1999 году вышел ее перевод на русский язык⁵. До этого времени, даже если перевод и существовал, опубликован он не был. Хотя есть перевод 1-го акта драмы, выполненный белым стихом и принадлежащий перу известного театроведа начала XX в. П.О. Морозова; он хранится в Санкт-Петербургской театральной библиотеке. Но о существовании пьесы в России знали. По словам В.Е. Багно, «пьеса Лопе открывает длинный и блистательный ряд произведений мировой литературы, в которых с тех или иных позиций... трактуются события Смуты, взаимоотношения России и Польши, феномен самозванств». Вопрос о происхождении Лжедмитрия волновал также Сумарокова, Шиллера, Пушкина, Островского — все они написали о нем произведения. На Западе Лжедмитрия, как правило, считали законным претендентом на престол, он превратился в один из мировых образов, вечных типов мировой литературы. Что касается России, то в самозванчестве, особенно актуальном для России, реализовалась русская мечта о добром царе из народа. Без широкой поддержки самыми различными слоями общества у Лжедмитрия I ничего бы не получилось. Неожиданно сошлись народные упования и вера иезуитов (и благодаря им всей Западной Европы), несмотря на всю их многоопытность, в законность притязаний на российский трон царя-освободителя, даже миссионера, реформатора. Нельзя не сказать и о западных надеждах привести Россию в католичество, о Сигизмунде III, который претендовал на некоторые российские земли. Однако Г. Отрепьев получил престол не благодаря полякам, а благодаря россиянам (казакам, москвичам и др.), и не мог так просто отказаться от веры отцов; он был вынужден вести двойную игру, которая и привела его к гибели.

В Испании интрига Лжедмитрия I была очень хорошо известна. Там его считали законным наследником престола. Как отмечает и В.Е. Багно, Лопе де Вега почерпнул немало фактов и деталей о российской действительности из брошюр Бареццо Барецци (многие считают ее настоящим автором иезуита Антонио Поссевино, бывшего папского посла в Московии). Основным источником для Лопе послужил испанский перевод книги «Повествование о замечательном, почти чудесном завоевании отцовской империи, совершенное яснейшим юношей Дмитрием, Великим князем Московским, в настоящем 1605 г.», выполненный иезуитом Хуаном Москерой. Вслед за ним Лопе представляет Деметрию внуком Ивана Грозного, рассказывает о сверхъестественной преданности немца-воспитателя, который пожертвовал сыном ради воспитанника (подменив ребенка). Воспользовался драматург и другим сочинением Поссевино — «Московия».

Он заимствовал оттуда материал для первых сцен пьесы, детали характера безудержного самодержца Ивана Грозного, убившего старшего сына [5, 188—190].

Как пишет Б.А. Кржевский, «события Смутного времени на Руси вызвали к себе огромный интерес в Западной Европе. Участие, которое в них приняла Польша, а за ней косвенно и все центры католического мира, возбудило корыстные надежды многих европейских политиков... римская курия и иезуиты надеялись вдохновить молодого царя на крестовый поход против турок и мечтали о водворении в Московии католической веры... у англичан... возник даже смелый замысел полного подчинения России... московские события вызвали к себе любопытство самих широких кругов европейского городского населения» [6, 362—363]. Вопрос о том, какие именно материалы положил Лопе в основу своей пьесы, недостаточно ясен. Менендес-и-Пелайо считал, что Лопе де Вега пользовался устными рассказами какого-нибудь иезуита о событиях и лицах в России. Однако о многом Лопе пришлось догадываться самому, как и изобретать. При этом, по мнению Б.А. Кржевского, «целый ряд характерных деталей пьесы прямо говорит о том, что источники его информации были достаточно осведомленными». Он знал и об убийстве Грозным своего любимого сына Ивана, и о неспособности править другого сына, Фёдора [6, 364—369].

По словам В. Е. Багно, драма «Великий князь Московский, или Преследуемый император» считается одной из лучших пьес Лопе о событиях инациональной истории. Интересно, что, по мнению М. Менендеса-и-Пелайо, драматург в пьесе вывел самого себя под видом поселенца Белардо. Эта работа была впервые напечатана в седьмом томе «Комедий» Лопе в Мадриде и Барселоне в 1617 г. Однако написана она была, скорее всего, летом 1606 г. Лопе не знал, вероятнее всего, о жестоком заговоре бояр и убийстве Лжедмитрия. Лопе начинает с истоков — с детства царевича. Действие «Великого князя Московского» охватывает промежуток времени от убийства Василио (т. е. Иваном Васильевичем) сына Хуана до решающей победы Деметрио, «внука» Грозного от старшего сына Теодоро (т. е. Фёдора Ивановича) над узурпатором Борисом, итого — почти 24 года, от 14 ноября 1581 г. до апреля — мая 1605 г. [5, 183—192].

Основные действующие лица в пьесе — это царь Василио, его два сына — старший Теодоро и младший Хуан — и их жены, Деметрио, сын Теодоро, Борис, его жена, король Польши, Маргарита и ее отец, граф, король Польши Сигизмунд, предатель Родульфо, друг Деметрио испанец Руфино и другие. Пьеса начинается с того, что Василио, Теодоро и Деметрио обсуждают, кому должно достаться княжество. Теодоро дали отраву, чтобы свести

5 Лопе де Вега «Великий князь Московский, или Преследуемый император», Санкт-Петербург, 1999, пер. Л. Цывьяна.

его с ума, и он из-за болезни не может править. Теодоро замечает, что для Басилио Хуан — любимый сын, а Деметрио говорит, что оба сына — как бы ветки одного дерева. Теодоро хочет уйти в монастырь, Басилио считает, что это неправильно и что этот сын дан ему в наказание. Кристина, жена Теодоро, хочет уберечь мальчика от врагов-отравителей и отправить Деметрио с Ламберто, знатным господином, чтобы тот достойно воспитал и обучил его наравне со своим сыном, ведь Деметрио в будущем предстоит стать князем. Деметрио принимает это с благодарностью, обещая всегда молиться Богу о своем отце Теодоро. Басилио в который раз застаёт Исабелу, жену Хуана, за разговором с Родульфо (что было им запрещено), который ее любит, и считает это позором. Он дает пощёчину Исабеле. Это видят Теодоро и Хуан. Исабела обвиняет Басилио в ревности, и Хуан этому верит, упрекая отца. Тот в ярости ударяет его по голове, и Хуан умирает. Басилио осознает, что сотворил, и вскорости умирает, что приводит к безвластию. Власть хочет захватить Борис, брат Кристины, он намеревается убить Деметрио. Ему помогает Родульфо. Борис обещает ему руку Исабелу взамен на убийство Деметрио. Родульфо приходит в дом Ламберто, и тот выдаёт своего сына Сесара за Деметрио, Сесара убивают. Проходят годы. За это время умер Теодоро, ушла в монастырь Кристина, а тиран Борис натворил много бед. Ламберто перед смертью просит Деметрио выполнить свой долг, освободить Москву от тирана и вернуть себе трон, он даже уподобляет его греческим героям. Деметрио решает стать монахом и поселяется в монастыре. Туда приходит Борис со свитой, он видит монаха Деметрио и говорит, что тот очень похож на его убитого племянника. Деметрио сбегает и прячется под видом жнеца вместе с другом Руфино. Они встречают графа, подданного польского короля, и Деметрио говорит другу, что хотел бы через графа выйти на польского короля, который ему обязательно поможет свергнуть подлого предателя Бориса. Кроме того, он говорит о том, что хотел бы жениться на его прекрасной дочери Маргарите. Для этого он намеревается устроиться работать на кухню во дворце графа, где его никто не узнает. Будучи во дворце, он знакомится с Маргаритой и открывается ей. Граф приводит Деметрио к польскому королю Сигизмунду III, тот рассказывает королю о своей жизни и просит поддержки в возвращении трона. Король выслушивает его и обещает подмогу в военной силе, в том числе казаками. Слухи о том, что Деметрио жив, доходят до Бориса, и он хочет писать папе, поклявшись в том, что он верный католик, чтобы папа запретил Сигизмунду III поход на Московию. Борис хочет убить Деметрио, и Родульфо вызывается это сделать. Однако у него ничего не получается. Сигизмунд тверд в своем желании помочь Деметрио восстановить справедливость, хотя его и отговаривали посланники Бориса. Рассказывается о доблести, проявленной Деметрио в боях. Он преследует Бориса, но тот кончает с собой. Не ожидавший этого Деметрио восклицает, что хотел его простить.

Народ признает Деметрио господином и великим князем, называет Маргариту его супругой и своей госпожой. Деметрио благодарит за помощь Сигизмунда и говорит, что без него ничего не получилось бы. Он прощает Родульфо, который клянется ему в верности, и награждает верного друга Руфино, помогавшего ему во всех испытаниях, титулом князя Кракова. Он только просит его жениться на служанке Маргариты. Деметрио поверяет свою жизнь и империю Сигизмунду и обещает пойти с ним против короля Швеции. Так заканчивается пьеса о великом князе московском.

В действительности все было сложнее. Как пишут Л.А. Кацва и Л.А. Юрганов, царевича Димитрия воспитывали русские, и мать его, последняя жена Грозного Мария Нагая, была при нем; мальчик болел эпилепсией. Царский двор устроил тщательное расследование его гибели, и его результаты были вполне обоснованы: мальчик играл с ножом и в какой-то момент напоролся на него, когда его одолел припадок эпилепсии. Кстати, было известно, что сам царевич Димитрий отличался жестокостью. Загадка этой смерти не разгадана и поныне и вряд ли будет разгадана. Царствование Бориса Годунова ознаменовалось начавшимся сближением России с Западом. Не было прежде на Руси государя, который столь благоволил бы к иностранцам. Однако наметившийся было в 90-е годы XVI в. подъем сельского хозяйства прервал неурожай, начался голод. Годунов не жалел средств, чтобы помочь голодающим, но запасов не могло хватить на всех. Начались народные волнения. Стали распространяться слухи о спасении царевича Дмитрия. На самом деле эти слухи могла распускать семья Романовых, они тоже имели притязания на престол, и вполне обоснованные. Тем временем стали доходить слухи о самозванце Григории Отрепьеве, галицком дворянине, бежавшем в 1602 г. в Польшу. Он был в прошлом холопом Романовых и постригся в монахи после их ссылки. Не исключено, что Романовы его и подготовили. Отрепьев тайно перешел в католичество, обещал Римской церкви в случае своего воцарения ввести в России католицизм. Польскому королю Сигизмунду III он посулил Чернигово-Северские земли, а богатейшему магнату Мнишеку, дочь которого Марина стала его невестой — Новгород Великий, Псков и много денег. В октябре 1604 г. Лжедмитрий с кучкой поляков и казаков двинулся на Москву через Чернигов — земли, где было много недовольных Годуновым казаков, участников недавнего восстания. Сила его была в том, что народ видел в нем законного наследника престола, войско самозванца быстро росло. В апреле 1605 г. Годунов внезапно умер. В июне 1605 г. на Красной площади огласили грамоту о том, что Дмитрий всех прощает. Он отказался войти в Москву, пока не будут устранены Годуновы. Их никто не стал защищать, и в первую очередь его сына Фёдора, нового 16-летнего царя. После расправы в Москву торжественно въехал царь государь и великий князь Дмитрий Иванович. В июле 1605 г.

Дмитрий венчался царским венцом. Царь не стал марионеткой польского короля, не торопился отдавать земли, православие по-прежнему оставалось государственной религией (царь даже не разрешил строить католические храмы). Более того, Дмитрий не согласился на требование поляков именоваться лишь великим князем и стал именовать себя цесарем-императором. Его поведение не нравилось многим подданным (например, он не осенял себя крестом и не разрешал окроплять себя святой водой). Народное недовольство постепенно копилось и привело к свержению Дмитрия в мае 1606 г. [7, 91—109].

Несомненно, Лопе довольно сильно отклоняется от исторической правды, но (по словам В.Е. Багно), согласно Лопе, облагороженная идеалом реальность и есть истинная реальность, поэтому — Дмитрий, а не Лжедмитрий, царевич, а не «царевич», Великий князь, а не самозванец. Удивительно и равнодушие поэта к проблеме принятия русскими католичества, и умалчивание факта участия иезуитов в походе на Москву, хотя они и были ближайшими советчиками Лопе (будучи знаменитым драматургом, Лопе был вхож к высокопоставленным чиновникам, а потому ему наверняка были доступны различные донесения и письма, которые легли в основу многочисленных западно-европейских сочинений о Лжедмитрии и Смуте). Лопе мягко обходит вопрос о вероисповедании Деметрио. Ему помогают и дядька-католик (испанец), и воспитатель-протестант, и православный русский. Об их конфессиональной принадлежности мы можем лишь догадываться. С другой стороны, неизменными элементами воспитания царя-избавителя оказываются пребывание Деметрио в русском православном монастыре и исполнение им обязанностей «кухонного мужика» у польского магната. Как считает В.Е. Багно, «экзотическая страна — благодатное поле для историософских и философско-эстетических фантазий». Манила полуварварская, но христианская страна. К тому же, события в ней могли повлиять на судьбу Европы. Московия оказалась благоприятной почвой для построения утопий. Помимо драмы Лопе, особенно характерен «русский» эпизод в книге «Час воздаяния, или Разумная Фортуна» Франсиско де Кеведо, крупнейшего писателя эпохи барокко. У Кеведо Великий князь Московский не

только призывает к ответу своих приближенных, но делает это, прислушиваясь к гласу народа [5, 192—200].

Разумеется, в драме о Московии не обошлось без русизмов. И они даны без сносок и комментариев, что говорит о том, что в Испании их знали. Однако этих русизмов очень мало, т.к. автор сосредоточился на своем герое. Это несколько антропонимов (о них ниже), топонимы Astracan (Астрахань), Casano (Казань), Móscua (Москва), Turquestan (Туркестан) и слова-реалии «cosaco» (казак) и «cebellinas martas» (соболи). Последние два слова даны в следующих строчках:

Король Польши говорит Деметрио, что окажет ему поддержку, дав подкрепление: «... Cinco ó seis mil **cosacos**, gente diestra, / Que militaron con el Rey Estéfano, / Y que tienen la guerra por ganancia»⁶. Второе слово встречается в речи Бориса, который говорит Родульфо:

Al Emperador querría
Hacer un embajador,
Que ofrezca de parte mía
Paz y amistad verdadera
Y gente, como le envía
Italia, contra la fiera
Guerra del Turco en Hungría.
Quiero ofrecerle un tesoro
En mis amorosas cartas,
Y conforme a su decoro,
Tantas **cebellinas martas**
Que valgan un millón de oro⁷
[8, 272, 276].

Из топонимов только Casano ассимилирован в испанском языке, он имеет окончание мужского рода единственного числа «-о». В трех других случаях, на наш взгляд, предпринята попытка транскрибирования, причем с ошибками в ударении. Вообще, в пьесе нет описания русского быта, даже в третьем действии, целиком происходящем в Московии. Можно также говорить лишь о нескольких условно «русских» именах — Басилио, Теодоро, Деметрио, Хуан; Demetrio соответствует русскому Димитрию, Juan — Ивану (Иоанну), Teodoro — Фёдору, Basilio — Василию. Но и здесь Лопе идет вопреки исторической правде; так, в действительности жену Фёдора

6 «Пять или шесть тысяч казаков, отважных людей, которые сражались вместе с королём Стефано; их ремесло — война» (пер. наш — С. М.)

7 Да, к кесарю я непременно
Послов направлю, передам
Сердечной дружбы заверенья
И предложу установление
Союза против басурман,
А также войском подкрепление:
Ведь вторгся в Венгрию осман.
Еще я кесарю деньгами
Большую помощь посулю:
Чтоб расплатился он с войсками,
На миллион ему пришло
Бесценнейшими соболями. (пер. Л. Цывьяна)

звали Ирина, а в пьесе этот персонаж выведен под вполне испанским именем Кристина. По всей видимости, Лопе было важно изобразить справедливого государя, а не раскрыть русскую тему.

Что же касается слов-реалий «cosaco» и «cebellina», то их необходимо рассмотреть подробнее. Слово «cosaco» (казак) наверняка могло стать известным в Испании вместе со всей этой историей, учитывая роль казаков в ней. Слово же «cebellina» (соболь), обозначающее столь ценный товар, могло прийти с первыми торговыми контактами России и Испании. Мы решили обратиться к испанским словарям с целью выяснить, присутствуют ли эти слова там. Как выяснилось, слово «cebellina» оказалось в словаре «Tesoro» Коваррубиаса. По словам видного лексикографа А. В. Садикова, словарь «Tesoro de la lengua castellana o española» — это первый общий толковый словарь испанского языка, вышедший в 1610 г. (примерно в эти годы и был написан «Великий князь Московский»). Его автор — писатель и религиозный деятель Себастьян де Коваррубиас-и-Ороско (1539-1613). Несмотря на отсутствие научной строгости, в этом словаре впервые испанская лексика описывается не как подспорье для овладения высокой латынью, а как правомерный объект лингвистического изучения со своей логикой и эстетикой. Его можно рассматривать как первую «энциклопедию испанского языка». Это первый «документированный словарь», т.е. толкование слова в нем подтверждено цитатой из авторитетного источника. Автор задумал его как первое собрание этимологий [9, 35—38]. В этом словаре находим такое определение: «cebellinas. Martas cebellinas son unos animales, algo semejantes a los gatos y mucho más a las fuinas. Críanse en las regiones septentrionales, y los germanos las llaman «martes çabethles». Son las más finas y preciosas de todas sus pieles, y las que negrean lo son por extremo. En España se crían en algunas tierras frías, y especialmente en la de Galicia. De «çabethles», corrompido el vocablo, las llamamos cebellinas, y debe ser el nombre de la tierra donde se crían»⁸ [10]. Разумеется, это слово есть в более поздних испанских словарях (например, в

Diccionario de Autoridades [11], Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes Э. Террероса и Панды [12]). Слово «cosaco» присутствует только в современных словарях (например, в словаре Испанской королевской академии [13]), но словари обычно и не успевают отражать быстро меняющуюся действительность.

Мы также решили обратиться к диахроническому корпусу испанского языка CNDHE с целью выяснить, когда и в каких документах впервые зафиксированы эти два слова. Оказалось, что слово «cosaco» зафиксировано в нем с 1618 года в документе García de Silva y Figueroa Comentarios [España] [Manuel Serrano y Sanz, Madrid, Sociedad de bibliófilos españoles, 1903-1905]⁹. Это примерно и время выхода драмы Лопе, эпоха, когда события в России широко обсуждались в Испании. Слово «cebellina» в варианте «sembelina» зафиксировано с 1300 г. в документе Anónimo, Fuero de Sepúlveda [España] [Emilio Sáez, Segovia, Diputación Provincial, 1953]¹⁰, то есть более чем за триста лет до написания драмы; разумеется, оно уже было хорошо известно.

Мода на русскую и славянскую тему в испанской культуре Золотого века привела к появлению целого цикла произведений (согласно термину Н.И. Балашова, испано-славяки), к которому относятся также пьесы «Преследуемый государь - Несчастливый Хуан» Л. де Бельмонте, А. Морето и А. Мартинеса, «Русский двойник» Толедского анонима, «Московская повесть» Э. Суареса де Мендосы, глава «Великий князь Московии и подати» в книге «Час воздаяния, или Разумная Фортуна» Кеведо, отдельные эпизоды в последнем романе Сервантеса «Странствия Персилеса и Сехизмунды» и величайшая философская драма Кальдерона «Жизнь есть сон» [5, 200—202].

Российская, русская тема продолжала бытовать в испанской литературе и в более позднее время. Можно, например, упомянуть о «Письмах из России» испанского писателя Хуана Валеры, увидевшие свет в 1857 году. Это предмет наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. История всемирной литературы. В восьми томах, т. 3 / Под ред. Н.И. Балашова. Москва, Наука, 1985. 816 с.
2. Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Ленинград, Наука, 1985. 542 с.
3. Балашов Н.И. Испанская классическая драма. Москва, Наука, 1975. 335 с.
4. Ковалевская С.Г. Драма Лопе де Веги «Великий Князь Московский». Минерва. Сборник, издаваемый при Историко-филологическом семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев. Тип. М. Т. Мейнандера, 1913. Вып. 1. 51 с.

⁸ Соболь — разновидность куницы, это животные, немного похожие на кошку и еще более похожие на каменную куницу. Их разводят на северных территориях, а германские народы называют их «martes çabethles». Их шубка самая тонкая и ценная из всех, особенно черная шубка. В Испании их разводят в некоторых холодных местностях, особенно в Галисии. Мы называем их «cebellina», искажая гласную в слове «çabethles», и это, должно быть, название земли, где их выращивают (здесь и далее перевод наш — С.М.)

⁹ <https://apps.rae.es/CNDHE/org/publico/pages/consulta/entradaCompleja.view>. Дата обращения 05.06.2023.

¹⁰ <https://apps.rae.es/CNDHE/org/publico/pages/consulta/entradaCompleja.view>. Дата обращения 05.06.2023.

5. Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница. Санкт-Петербург, Наука, 2006. 476 с.
6. Кржевский Б.А. Статьи о зарубежной литературе. Москва – Ленинград, Гослитиздат, 1960. 438 с.
7. Юрганов А.Л., Кацва Л.А. История России XVI-XVIII вв. Москва, Моск. ин-т развития образоват. систем, 1996. 419 с.
8. Comedias escogidas de Frey Lope Felix de Vega Carpio, vol. 4, Madrid, 1928, 590 p.
9. Садиков А.В. Испанский язык сквозь призму лексики. Москва, URSS Либроком, 2019, 427 с.
10. Covarrubias S., Pascual Y. Tesoro de la lengua castellana o española, Madrid, 1995, 1047 p.
11. Diccionario de Autoridades, Madrid, 1990, в трех томах.
12. Terreros y Pando, E. Diccionario castellano con las voces de ciencias y artes, Madrid, 1987, в четырёх томах.
13. Diccionario de la lengua española, Madrid, 1992, в двух томах.
14. <https://apps.rae.es/CNDHE>

© Мамилова Светлана Абдурахметовна (serdle@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»